

Адаптация к социальной сложности

М.С. Негрова

Современное общество как сложная динамично развивающаяся система подвержено влиянию непредвиденных флуктуаций. Недавнее по историческим меркам внедрение в научную картину мира нелинейного подхода поставило под вопрос классическое понимание пространства и времени. Соответственно возникла проблема адаптации человека и его картины мира к утверждающейся сложности социума.

Современное общество в интерпретациях социологов предстает как глобализирующееся, космополитичное, мировое общество риска. В социологическую лексику вошли такие понятия, как турбулентные времена, общество постмодерна, «текучая», «ускользающая» современность, сетевое общество, пространство потоков, рефлексивный модерн. За каждой из обозначенных концепций и метафор стоит в первую очередь факт усложнения социальных реалий. В связи с этим английский социолог Дж. Урри обобщал «поворот сложности»¹, а российский ученый В.П. Шалаев даже утверждает, что наступили времена «гиперсложного социума»².

Ускоряющееся развитие общества и науки ставит в повестку дня проблему адаптации человека к утверждающейся сложности социума, который характеризуется нелинейностью развития, многовариантностью, рискогенностью, самоорганизацией институциональных структур. В данной статье в качестве приоритетной задачи стоит рассмотрение адаптации человека к социальной сложности. Автор стоит на той позиции, что адаптация является не только обязательным условием для сохранения системы, но также лежит в основе сложности, является одним из условий эффективной самоорганизации и развития открытой системы.

У сложности есть глубокие культурно-исторические корни. Она поэтапно приходила в Россию, способствуя формированию определенных меха-

низмов адаптации. Ключевым периодом, требующим новых адаптаций, стал постсоветский период, трансформация общества вследствие перестройки, необходимость нового «рыночного» типа мышления, а также адаптации к мировому экономическому кризису и его последствиям, зачастую выраженные в снижении уровня притязаний. Среди социальных адаптаций существует определенный набор действий, приводящий к изменениям социальной среды и субъекта в ситуации двухстороннего процесса взаимовлияния и взаимодействия.

Российский социолог П.М. Козырева анализирует социальную адаптацию россиян в постсоветский период, апеллируя к эмпирической базе на основе таких критериев, как уровень материального благосостояния и социальное самочувствие граждан. Она приходит к выводу, что «значительная часть населения испытывает огромные трудности, теряя социальные позиции в рыночной среде, пребывая на низких ступенях адаптации или составляя контингент явных дезадаптантов». В то же время имеет место увеличение числа людей, рассматривающих возникающие трудности как ресурсную ситуацию. В качестве принципа адаптации она называет «форму активного отношения человека к окружающей действительности». Действия, поведение, составляющие трудовую, познавательную и иную деятельность, становятся способами адаптации в том случае, когда они способствуют реализации или укреплению адап-

тационных ресурсов. Соответственно основным способом адаптации являлось открытость человека, изменение себя, своего образа жизни, актуализация ресурсов. Конкретно это выражалось в смене работы с сохранением профессии (уход из профессии как менее эффективная мера адаптации, чем просто смена работы), дополнительной занятости, самообразовании. При этом наименее популярными в России адаптациями были «перепродажа товаров и продуктов, продажа продуктов домашнего изготовления, простейшие денежные операции, связанные с получением процентов от вкладов или приобретением ценных бумаг, сдача в наем жилья и другого имущества»³.

Приведя примеры социальной адаптации, характерные для российского общества, мы считаем возможным сформулировать вывод: если социальная адаптация является тактической составляющей процесса социального усложнения, то адаптация к социальной сложности – стратегической, функциональной. Известно, что современное российское общество уже является сложной системой. Необходимо сказать, что единого признанного понимания сложности в социологии не существует. «American Heritage Dictionary» предлагает следующее определение сложности: качество или условие того, чтобы быть сложным⁴. Достаточно емкая дефиниция, однако, сообщая о внешней и внутренней природе сложности, она не дает полного представления о ней.

В словаре новейшей социологической лексики С.А. Кравченко находим три варианта определения сложности. Первое из них по праву принадлежит И.Р. Пригожину, понимавшему под сложностью «черты материи и социума, проявляющиеся в «конце определенности», нелинейности, альтернативном развитии, точках бифуркации, когда создается новый порядок из хаоса, будущее относительно непредсказуемо и характеризуется различными возможностями»⁵. По его мнению, сложность может быть как результатом (качеством), так и тем, что, собственно, обеспечивает наличие сложности (ее функциональность, причина). Из этого определения также явствует, что сложность предстает как некий результат, возможный в разупорядоченном состоянии при появлении определенности, проявляется при выходе системы в аттрактор. Отмечается, что новый сложный порядок непредсказуем и многовариантен в своем развитии. Заметим, В.И. Аршинов раскрывает идеи Пригожина: квинт-эссенция переоткрытия времени Пригожина состоит в осмыслении паттерна стрелы времени (направленность времени, повышение энтропии) как единство, «процессуальный гештальт», для чего Пригожин и стремится преодолеть «разрыв двух времен: внутреннего (субъективного) времени А. Бергсона и внешнего (объективного) времени И. Ньютона». Аршинов указывает на самосогласованность концепции Пригожина, предполагающей, что и человек, и природа как открытые неравновесные диссипативные структуры включены в общий эволюционно-коммуникативный канал. Тем не менее разрешение проблемы соотносимости времен встречается с проблемой

«теперь» из длительности которого состоит вся жизнь человека⁶.

Дж. Урри, разработавший повороты сложности, мобильности и ресурсности, понимает сложность в тесной связи социального с природным. Он определяет ее как «эмерджентную структуру возникающую, как результат серии процессов:

- быстрые и неожиданные движения людей, капиталов, образов, информации в глобальном масштабе;
- рост коммуникационных технологий, ведущие к образованию компьютеризированных сетей по всему миру;
- появление глобальных микроструктур, действующих на принципах самоорганизации;
- увеличение гиперсложности товаров и технологий, включающих огромное количество компонентов;
- увеличение значимости гибридных систем, в которые включаются физические, биологические и социальные миры; возрастание роли эффекта бумеранга;
- нелинейные изменения в обществе, хозяйствовании, человеческих отношениях...»⁷.

Урри существенно переработал проблемное поле изучения социального сложного, изначально заложенный в работах И. Пригожина, И. Стенгерс, Э. Морена, К. Майнцера. Он вносит существенную поправку, указывает на турбулентный характер социальной сложности, как разупорядоченное движение людей, идей, образов, капиталов, информации. Также интересно отметить, что Ж.Т. Тощенко описывает и анализирует большой эмпирический материал о нелинейных изменениях в обществе, сочетании несочетаемого и непредвиденных линиях развития в пространстве российского социума⁸.

Так как сложность характеризует состояние системы в определенных условиях и является таким способом организации/самоорганизации материи, при котором становится возможным а) появление нового качества, не существовавшего в прежних условиях и б) сохранение системы за счет нового способа организации⁹, в связи с чем адаптация представляется наиболее адекватной реакцией на изменяющиеся условия, новой формой организации. Процесс адаптации лежит в основе рождения сложного для общественной системы и эволюции для биологических систем.

Возможность появления нового, непредполагаемого качества из имеющихся предпосылок отмечает также В.С. Степин, который рассматривает сложность с позиции эмерджентности и трактует ее как саморегулирующуюся систему, качества которой не сводятся к свойствам ее частей. Можно предположить, что эмерджентность системы лежит в основе механизма ее самоорганизации¹⁰. На наш взгляд, определение сложности Степина вписывается в закон Геделя о неполноте и постулат самореференции Н. Лумана. С.А. Кравченко обсуждает значимость моральной составляющей самоорганизующегося социума, выступает за нахождение оптимального соотношения между само-

организацией и организацией. Он обосновывает гуманистический поворот, ратует за интеграцию не только социологического и естественно-научного, но и гуманитарного знания. Это, по его мнению, способствовало бы углубленному пониманию сложности с учетом «социокультурной динамики, всевозможных парадоксов, дисперсий и турбулентностей социума, развивающегося в единстве с природой»¹¹.

Ю.Н. Москвич также пишет о необходимости выработки новой морали в контексте управления социальной турбулентностью¹². Он проводит аналогию между животными и птицами, приспособившимися к турбулентным воздушным и водным потокам, и людьми, живущими в усложняющемся турбулентном социуме. Москвич считает, что вновь сформированные ценности будут способствовать более легкой адаптации к разупорядоченности современных реалий. Ученые рассматривают выработку новой морали, ценностей, ее гуманизацию как адаптивный механизм. Идея гуманизации как идея адаптации, сохранения и развития обоснована в концепции ноосферы В.И. Вернадского¹³: «Ноосфера – сфера разума, сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития, новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы». Диалог человека и природы предстает как естественное и закономерное обращение человека к природе, как значимому другому, в ходе которого человек переоткрывает себя и становится соразмерным природе. Именно в диалогичном отношении к природе человек в полной мере может раскрыть и реализовать себя, обрести новые формы гуманизма. Мы видим здесь подход к решению проблемой аномии современного общества через формирование нового типа личности.

В.П. Шалаев описывает «массового человека»: эмоционального, подражающего, стремящегося удовлетворить свои телесные потребности, насытиться (иного, чем человек одухотворенный и аскетичный); создавшего и легитимизирующего глобализацию, как цивилизационную и культурную форму. Он отмечает, что «маленький массовый человек» уверен в своем доминировании «по своим ценностям, названным им демократическими»¹⁴. Миксированное (бифуркационное, эклектичное, кентавристичное, гибридное) сознание и аналогичная культура свидетельствуют о совершенно новой реальности – «жизни в пограничном, нестабильном мире». В таких условиях люди перестают осознавать себя в конкретной культурной форме, и «складывающаяся в сознании ситуация постмодерна необычным образом соответствует тому, что в современном общественном сознании и философии принято называть маргинальным типом личности»¹⁵.

Для общества, как изменяющегося, мобильного и текучего, характерной социальной нормой становится маргинальность. В интерпретации Р.Э. Парка, маргинальность – пограничное положение

индивида, находящегося на стыке конфликтующих культур, – позволяла определять адаптивность мигрантов в новой среде¹⁶. Маргинализация же, как отмечает А.И. Агоян, есть распад социальных связей, некий «рубеж, за которым начинается размывание тотальности всех базовых норм самого целого и размывание господства одного типа связей над всеми традиционно присущими этому целому»¹⁷. Маргинал, пребывающий в пограничном состоянии, обладает большей свободой для созидания новых норм и связей, являясь «включенным» в несколько пространств, он может дать отстраненную и более точную рефлексию. Маргинальность есть нейтральное потенциальное состояние, отражающее динамизм времени и социума. Каждый индивид включен в те или иные социальные поля, которые, подобно турбулентным потокам, выстраиваются в иерархическом каскаде взаимных влияний идей, информации, людей и капиталов.

Для сложного турбулентного общества характерным является усиление дифференциации на различных основаниях (культурных, материальных, социальных и т.д.). Обсуждение значимых и незначимых мест присутствия и отсутствия предполагает, что общество дифференцируется по принципу текучие, мобильные, значимые и тяжелые, пассивные, небытийствующие. Обсуждаемые реалии с позиции системного подхода выглядят как естественное состояние системы в условиях, требующих выживания. В условиях усложняющегося общества происходит массовая дифференциация и маргинализация. Индивид, находясь в пограничном положении постоянного принятия ответственности за себя, либо вырабатывает адекватные адаптации и имеет возможность влиять на свою жизнь, либо из пограничного, маргинального состояния переходит в состояние люмпенизированное. И здесь понимание люмпена шире, чем трактовалось прежде. Это состояние безвременья, «места без места» (М.Фуко).

Риски, страхи и ожидания современного общества свидетельствуют о массовом пребывании людей на границе динамичных и статичных пространств. К статичным могут быть отнесены пространства, в которых человек деиндивидуализирован, «макдональдизирован», пребывает в состоянии небытия, пустоты. Динамичное пространство, наоборот, требует постоянного подтверждения собственной самости, уверенности и активности, собирания и структурирования пространства. Члены общества дифференцируются по принципу мобильности, включения в различные потоки, составляющие суть социальной турбулентности.

В этом же ключе в качестве адаптивной модели возможно рассмотрение идеи «точки внеаходимости», высказанной М.М. Бахтиным, нахождение и обретение которой является необходимым условием «подлинного философствования» и рефлексии в «сошедшем с ума мире»¹⁸.

Точка внеаходимости как межструктурное маргинальное положение в пространстве разупорядоченного социального является тем

состоянием, из которого посредством рефлексии человек может адаптироваться к новым реалиям.

Э. Гидденс и З. Бауман отмечают, что в рискованном обществе человек должен постоянно сканировать умножающиеся риски и своим поведением препятствовать реализации неблагоприятного сценария. Однако они несколько по-разному смотрят на причины данного явления. По Гидденсу, в «ускользающем мире» сложность становится сложностью прежде всего для человека управляющего¹⁹. Иллюзия сравнительно легкой управляемости миром, возможности все спланировать и предугадать застигла человечество врасплох с появлением проблем глобального характера. Однако социолог достаточно оптимистично смотрит на проблему. «Ощущение бессилия» в обществе он видит не в собственной слабости людей, а в «недееспособности наших институтов».

В качестве альтернативы предлагается либо реформирование, либо создание новых институтов²⁰. Э. Гидденс также отмечает, что современное общество отходит от традиционного, в котором не было места риску. Жители таких великих цивилизаций, как Рим и Китай, жили в основном прошлом, а не будущим, в которое сейчас активно устремляется современность²¹. Попробую не согласиться с этим тезисом, так как полагаю, что Китай устремляется не в прошлое и будущее, он устремляется в настоящее и демонстрирует высокую адаптивность во включении в глобализацию.

Взгляды Баумана на современность носят более прагматичный характер. Изменение функциональности британский социолог видит как имманентное состояние. Если прежде нарушение порядка вело к созданию нового, то теперь данная функциональность (изменчивость) не несет в себе новый порядок в привычном понимании. Таким образом, теперь изменениям подвержены все элементы. Произошли существенные функциональные изменения, и то, что прежде способствовало изменению системы, теперь обеспечивает ее гомеостазис²². Как считает У. Бек, в свете постоянной изменчивости всего и отсутствия нормы, выраженной в необходимости «биографических решений системных противоречий»²³, перед человеком встает проблема выработки все новых и новых адаптаций, которым нет конца. В данных подходах мы видим, что самосохранение в условиях усложняющегося социума становится возможным лишь благодаря постоянному движению и поиску новых адаптивных возможностей.

Адаптация в современном обществе столь же нелинейна, как и сам нелинейный социум. Дж. Сорос предлагает рассматривать реальность как сложную систему, где мышление участников является основным тому «движителем». Сорос пишет, что «причинно-следственная связь не ведет напрямую от факта к факту, а проходит от факта к восприятию и от восприятия к факту». Он ссылается также на проблему невозможности человека выйти за рамки своих мыслей: «мысли человека являются частью того, о чем он размышляет; следовательно, человеку не хватает независимой точки отсчета, с которой

он мог бы произвести оценку, – ему не хватает объективности»²⁴.

Полагаем, определенный ответ на данную проблему дает теорема Геделя о неполноте: человек, включенный в систему, не может составить полного о ней представления, не выйдя за рамки системы. Положения данной теоремы существенно проясняют научную картину мира и, с нашей точки зрения, лежат в основе самой идеи развития. Налицо постоянное стремление открытой аутопоэтической системы выйти за свои границы и стать чем-то большим. Математическое выражение закона можно обозначить следующим образом: система = n ; для описания системы необходимо выражение $n = n + 1$. Так, системе для самоописания или самореференции необходимо расширение пространства и усложнение структуры благодаря открытости, постоянству потокового взаимодействия со средой и другими акторами социальных процессов, коммуникации, энергии и информации. В этом в том числе заключается механизм адаптации к социальной сложности.

Таким образом, сложность предстает как некая неокончательная реальность, возможная в результате нелинейного развития. Можно заключить, что значимым для изучения адаптации к сложности является закон тектологического акта, согласно которому всякое явление, процесс или вещь в ситуации необходимости ответа на вызовы противостоящей среды либо изменится и приобретет новые свойства и функции и станет сложнее, установившись на новом уровне взаимодействия со средой, либо останется неизменной или упростится, заняв более скромное место в иерархии. По сути, данный закон объясняет турбулентный характер социальной сложности, в которой мы живем и к которой вынуждены адаптироваться.

Адаптация к социальной сложности представляется наиболее адекватной реакцией на изменяющиеся условия, новой формой организации, предполагает появление нового качества: новых связей, одновременное усложнение адаптанта и среды (и других адаптантов), выстраивание иерархии потоков, самоорганизация и соорганизация. Адаптация, рождающая сложность социального, предполагает такие рядоположенные способы адаптации, как рефлексия, самореференция, ответ вызову, самопостроение, гуманизация, диалогичность с природой, соразмерность моральной организации, концентрация на «теперь» (здесь и сейчас), осознание и принятие изменчивости мира, принятие ответственности, обретение точки внеаходимости, коэволюция, нелинейное мышление, осознание сложности и открытость миру.

Negrova M.S. Adaptation to Social Complexity.

Summary: *Modern Society as a Complex Dynamic System is Affected by Unforeseen Fluctuations. By Historical Standards, the Recent Introduction of the Nonlinear Approach into the Scientific World Picture put the Classical Understanding of Space and Time to the Obstruction. Consequently, there Appeared the Problem of Human Adaptation and his Worldview to the Asserting Complexity of the Society.*

Ключевые слова

Адаптация, социальная сложность, способы адаптации.

Keywords

Adaptation, social complexity, ways of adaptation.

Примечания

1. См.: Urry, John The Complexity Turn // Theory, Culture and Society. London: Sage, 2005, № 22 (5)
2. См.: Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола: Изд-во МАПГТУ, 2009.
3. См.: Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период //URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267239988/Kozyreva.pdf>.
4. См.: The American Heritage Dictionary of the English Language, 4th edition, published by Houghton Mifflin Company URL: <http://www.answers.com/library/Dictionary-cid-17391>.
5. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. См.: Аршинов В.И. Синергетика встречается со сложностью // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 53-54.
7. Urry, John The Complexity Turn // Theory, Culture and Society. London: Sage, 2005, № 22 (5).
8. См.: Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Издательство «Прогресс», 1985. 432 с.; Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Либроком, 2009; Морен Э. Метод. Природа природы. М., Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
10. См.: Стёпин В.С. О философских основаниях синергетики // Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 384 с.
11. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России / С.А. Кравченко // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 211-220.
12. Москвич Ю.Н. Глобальная турбулентность и путь к «Человеку разумному». Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России / Философия – Наука – Образование: сборник статей Второй Всероссийской научной конференции «Сибирский философский семинар». Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 147-149.
13. См.: Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // журнал "Успехи современной биологии". 1944. № 18, вып. 2.
14. Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек: современные контексты историософской судьбы человека и общества // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 469.
15. Там же. С. 471.
16. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881-893.
17. Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Полис (Политические исследования). 1993. № 6. С. 29-38.
18. Бахтин М.М. К философии поступка. М.: Лабиринт, 1996. С. 175.
19. См.: Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 34-35.
20. Там же. С. 39.
21. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 32.
22. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity. New Delhi: Sage 1992. P. 137.
23. См.: Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: Инфра-М, 1996. 416 с.
24. См.: Хофштадтер Д.Р. Гедель, эшер, бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2001.